

Шок. комедия. -
1995. - 16 мая. - с. 3.

ПОДМОСТКИ

“ЖРИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...”

Из Камергерского потянуло падалью

Два вечера подряд во МХАТе (им. Чехова) работала камера пыток им. В. Сорокина. Причем устроенная по лучшему немецкому образцу Дюссельдорфским драматическим театром. По приглашению Олега Ефремова немцы показали на Малой сцене инсценировку повести скандально известного (правда, больше на Западе) Владимира Сорокина “Месяц в Дахау”. И посвятили эти гастроли “пятидесятилетию со дня окончания Великой Отечественной войны и победы над фашизмом” (!).

Да, нас пытали, гордо и устало говорю я. Полтора часа. Словом, светом, звуком. Наблюдение за пыткой тоже досуг — отличный. И показали мы, зрители, себя заядлыми садомазохистами, как и ожидал автор: ни уши, ни носы не зажимали, почти из зала не выбегали. Тем более что немцы, обуреваемые комплексом вины и цепенеющие при слове “Дахау”, выложились в спектакле без остатка...

...Забавы маркиза де Сада — детские игры по сравнению с развлечениями, которые выбирает себе герой Сорокина — скромный русский писатель. Напомним, что проводит он свой отпуск в концлагере Дахау (разумеется, в вымышленной Германии), меняя камеры и пытки как перчатки. При этом безумно кайфуя — и от мучений, и от того, что рядом обольстительница-надзирательница Гретхен-Маргарита, с которой, после любви на трупах, и сочетается законным католически-православным (!) браком...

Дуэт садистки и мазохиста завораживает, как любая патология. Если б, правда, не так подташнивало от трупного запаха, который для героев милее любых духов, от всех этих “филе” и “бульонов” из мифической Леночки Сергеевой, от циничных парафразов симоновских стихов... “Жри меня, и я вернусь”. Но механизм шока срабатывает безошибочно, и уже не замечается, что эта попытка эстетизировать отвратительное не так уж нова в искусстве — особенно если помогает успешному продвижению товара на рынок...

Впрочем, Бог (а точнее — черт) с ней, конъюнктурностью повести. Спектакль же интересен как “вещь в себе”, которой нет дела до оцепеневшего зрителя. Некогда — ведь поется “гимн насилию”, религии эпохи. И тут блистательны артисты Самуэл Финци и Альмут Цильхер, по-шамански меняющие маски ежеминутно, ведомые изобретательной рукой режиссера Димитра Гочева (болгарина). Очень высокохудожественно получается, может, место — МХАТ — обязывает?

...Талант, наверное, может оправдать почти все. Может инфернальное, противное человеческой природе, сделать притягательным. Может кусок дерьма показать как кремовое пирожное. Это модно. Это окупаемо. Тем более, что, по мнению некоторых критиков, такой взгляд “обнажает скрытый тоталитаризм обеих стран и его психопатологию”.

В таком случае пусть гадкий тоталитаризм останется привычно немножко одетым. А мы, дубовые консерваторы, после спектакля примем холодный душ (долгий) и подумаем о мудрости мхатовцев. Не пригласили-таки на спектакль ветеранов, в том числе и узников концлагерей, обошлись критиками-садомазохистами...

Наталья БОБРОВА.